

Вопрос о новой власти

Быстрый разгром корниловского мятежа выдвинул на передний план трудную проблему, касающуюся характера власти, которая заменила бы обанкротившуюся вторую коалицию. В начале мятежа между Керенским, который стремился к образованию сильной Директории, и лидерами Совета, которые, столь же рьяно противясь созданию подобного правительства, в тот момент беспокоились главным образом о защите революции, было достигнуто временное взаимопонимание. Согласно политической резолюции, принятой ЦИК и ИВСКД в ночь с 27 на 28 августа, Керенскому предоставлялось право сформировать любое правительство, которое он сочтет нужным, с единственным непременным условием, что оно будет готово вести непримиримую борьбу с Корниловым [1].

Когда 28 августа появилась вероятность, что войска Крымова вступят в столицу и последует неизбежное кровавое побоище правых сил с левыми, в какой-то момент показалось, что Керенский, возможно, не станет действовать в соответствии с резолюцией исполнительных комитетов. В самый разгар кризиса руководство партии кадетов, стремясь предотвратить гражданскую войну, убеждало Керенского уступить свой пост авторитетной личности, с которой Корнилов согласится вступить в переговоры, прежде чем легионы Крымова войдут в Петроград.

Выбор кадетов пал на генерала Алексеева, который мог бы устроить как Керенского, так и Корнилова. В полдень 28 августа Милюков предложил Керенскому свои услуги в качестве посредника между правительством и Генеральным штабом. Вслед за ним другой видный кадет, Николай Кишкин, также прощупывал Керенского относительно возможности его отставки в пользу Алексеева. Вечером того же дня большинство исполняющих обязанности министров, повидимому, договорились о целесообразности замены Керенского Алексеевым, и многие из них сообщили о своем мнении премьер-министру. Представители союзников в России, возглавляемые англичанином Джорджем Бьюкененом, также попытались убедить Керенского вступить в переговоры с Корниловым.

Не вызывает сомнения, что Керенский, испытывая подобное давление, был почти готов уступить свой пост. Однако этому категорически воспротивилось руководство Совета. По его настоянию Керенский в последнюю минуту отверг предложение кадетов [2]. И вот на следующий день, 29 августа, корниловский мыльный пузырь лопнул. Для Керенского больше не существовало вопроса о достижении соглашения с генералами. Теперь было бы резонно предположить, что, пострадавший от правых и убедившись в огромной силе левых, премьер-министр сделает все возможное, чтобы заручиться и в дальнейшем поддержкой левых элементов. Но не тут-то было. Обуреваемый сильнее, чем прежде, страхами перед ультралевыми и все еще не отказавшийся от намерения продолжать войну, Керенский повел себя так, как будто никакого мятежа Корнилова и не было.

Безусловно, он настоял на аресте Корнилова, немедленной отставке Савинкова и провозгласил Россию демократической республикой. Вместе с тем в предписании председателю комиссии, созданной для расследования заговора Корнилова, Керенский настаивал на том, чтобы следствие внутри военного истеблишмента было строго ограничено только главными участниками заговора [3]. В довершение Керенский назначил на пост начальника Генерального штаба генерала Алексеева, которого кадеты прочили в премьер-министры. Принимая новое назначение, Алексейев, чьи взгляды на перемены в армии, которые принесла с собой революция, совпадали со взглядами Корнилова и Деникина, признал в узком кругу, что главной побудительной причиной его соглашения явилось желание как-то облегчить участь Корнилова и его сторонников [4]. Но самым поразительным было то, что, как только корниловская угроза миновала, Керенский начал вынашивать планы создания авторитарного правительства, нацеленного на правопорядок, в виде коалиционного кабинета правых социалистов и либералов, в котором кадеты имели бы более сильное, чем прежде, влияние.

Между тем условия ожесточенной борьбы против Корнилова сдвинули умеренных социалистов влево, привели к их конфликту с правительством и побудили к более тесному союзу с крайне левыми элементами. После июльских событий большинство меньшевиков и эсеров поддерживало Керенского в его попытках разоружить рабочих и сдержать большевиков. Но, с другой стороны, во время корниловского мятежа Комитет народной борьбы с контрреволюцией был вынужден одобрить и содействовать формированию вооруженных отрядов рабочих [5]. Хотя трудно определить, сколько рабочих в то время впервые получили в руки оружие и организовались для осуществления насильственных политических акций, тем не менее можно с уверенностью сказать, что даже тот небольшой прогресс, который был достигнут в умиротворении петроградских масс, мгновенно свелся к нулю.

Одним из самых настоятельных требований большевиков, выдвигавшихся (и повторявшихся во время корниловского мятежа бесчисленными общественными организациями) в качестве условия их сотрудничества в различных органах защиты революции, являлось освобождение находящихся в тюрьме большевиков, арестованных по подозрению в участии в июльском восстании.

После того как 29 августа группа солдат-большевиков, по всем признакам не без помощи некоторых сочувствовавших охранников, сбежала с гауптвахты 2-го комендантского управления, Комитет народной борьбы с контрреволюцией постановил оставить их на свободе, чтобы они «включились в борьбу против корниловцев». Давление, вынуждавшие как-то решать проблему арестованных, еще больше усилилось, когда содержащиеся в 1-ом комендантском управлении левые офицеры публично потребовали разрешить им участвовать в борьбе с Корниловым и в подтверждение своего требования объявили голодовку. Уступая этому давлению, которому придало дополнительную силу вмешательство Комитета народной борьбы с контрреволюцией, власти в разгар корниловского мятежа освободили нескольких большевиков. Кое-кто из левых лидеров вышел на свободу в первой половине сентября. Так, 4 сентября тюремные ворота распахнулись для Антонова-Овсеенко и Дыбенко. В тот же день освободили Троцкого, денежный залог за него внес Петроградский совет профсоюзов [6]. Несколько офицеров большевиков, участвовавших в голодовке в 1-м комендантском управлении, в том числе члены Военной организации — офицеры Крыленко, Дашкевич, Куделько и Тер-Арутюнянц,— получили свободу неделю спустя. Все освобожденные большевики играли затем активную роль в революции [7].

Во время приготовлений к борьбе с Корниловым руководство Комитета народной борьбы с контрреволюцией встревожил тот факт, что офицеры штаб-квартиры Петроградского военного округа, якобы принимающие участие в обороне города, тайком пытались помогать генералу Корнилову. Существовали многочисленные свидетельства, что офицеры преднамеренно затягивали мобилизацию, вооружение и обеспечение продовольствием частей гарнизона. По их указаниям некоторые в конце концов направленные на позиции отряды расположили так, что они представляли собой удобную мишень для атакующих. Когда саботаж военного персонала стал очевидным, Комитет народной борьбы с контрреволюцией послал своих комиссаров для наблюдения за действиями штаба [8].

28 августа, когда Керенский был почти готов выйти в отставку, уступая свой пост генералу Алексееву, умеренные социалисты воздействовали на Керенского, чтобы удержать его от подобного шага. После корниловских событий многие видные меньшевики и эсеры весьма холодно восприняли намерение Керенского сформировать еще одно коалиционное правительство с участием кадетов. Отчасти потому, что теперь кадеты отождествлялись с противниками республики и реформ и сторонниками продолжения войны, в Петрограде враждебно относились к пребыванию кадетов в правительстве. Но отчасти также и в связи с искренней озабоченностью лидеров меньшевиков и эсеров ролью кадетов в заговоре Корнилова. Как только стали известны политические замыслы Керенского, т.е. вечером 31 августа, исполнительные комитеты Советов создали объединенное пленарное заседание, чтобы рассмотреть вопрос о власти. Тем временем меньшевистский ЦК принял решение о недопустимости участия во Временном правительстве «таких элементов, которые либо соучаствовали в контрреволюционном движении, либо способны парализовать борьбу с

ним». Относительно статуса кадетов резолюция особо подчеркнула, что они больше не могут быть включены во Временное правительство [9].

Совещание ЦК эсеров заняло аналогичную позицию. Данные точки зрения сразу же довели до сведения Керенского, который в этих условиях решил временно отложить планы создания новой коалиции и вместо этого объявить о формировании Директории из 5 человек без кадетов.

Возглавлявшаяся Керенским Директория включала Терещенко, который продолжал заниматься внешней политикой, двух прогрессивных военных (морского министра адмирала Дмитрия Вердеревского и военного министра генерала Верховского) и Алексея Никитина, ничем не примечательного правого меньшевика, который являлся министром труда в правительстве второй коалиции, а в Директории занял пост министра почт и телеграфа.

При выработке позиции во вопросу о власти умеренные социалисты вновь столкнулись с ситуацией, во многом напоминавшей июльские дни. В то время огромные толпы рабочих и солдат вышли на улицы на демонстрации против Временного правительства с требованием передать власть Советам. Их боевыми кличами были: «Долой десять министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!». На этот раз окрыленные победой над Корниловым массовые организации на местах, фабрично-заводские рабочие, солдаты, матросы, то есть все те, кто присоединился к антикорниловскому движению, выражали свое мнение о характере, составе и программе будущего правительства в многочисленных письмах, резолюциях, политических декларациях. Из этих требований масс явствовало, что в своей основе они мало чем отличались от выдвигавшихся двумя месяцами ранее.

Некоторые характерные примеры позволяют представить общую направленность этих призывов. Рабочие механической мастерской Петроградского трубочного завода, обсудив 28 августа «текущий момент», заявили: «Ввиду создавшегося контрреволюционного буржуазного движения и посягательства со стороны бывших царских опричников на свободу и на все демократические завоевания российского пролетариата собрание заявляет, что вся власть должна перейти Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [10]. В тот же день 8 тыс. рабочих Петроградского металлического завода приняли резолюцию с выражением недоверия «министрам-социалистам», вероятно, из-за их готовности сотрудничать с буржуазией. Эти рабочие потребовали немедленного создания «решительной революционной власти». 29 августа несколько тысяч разгневанных рабочих гигантского Путиловского завода решили, что «правительство революционной страны должно быть составлено только из представителей революционного класса», и добавили, что «всякие переговоры о коалиционной власти в условиях борьбы буржуазии и ее ставленника Корнилова с народом мы будем отныне считать изменой делу свободы». Тем временем рабочие Ново-Адмиралтейского судостроительного завода, обсудив сложившуюся политическую ситуацию, заявили, что «власть государственная не должна ни одной минуты оставаться в руках контрреволюционной буржуазии. Она должна перейти в руки рабочих, солдат и беднейших крестьян и быть ответственной перед Советами рабочих, солдатских депутатов» [11].

Публичные декларации, принимавшиеся в период мятежа Корнилова практически всеми воинскими частями Петроградского гарнизона, выражали столь же определенные требования. Так, на экстренном собрании 28 августа 2,5 тыс. солдат четырех основных воинских соединений, дислоцированных в столице (Преображенского, Литовского и Волынского гвардейских полков и 6-го саперного батальона), приняли резолюцию, которая настоятельно требовала, чтобы правительство формировалось исключительно из представителей революционных классов. 31 августа эти же самые солдаты, повторив призыв к созданию правительства из рабочих и беднейших крестьян, прямо заявили, что со «всякой коалицией... все верные сыны народа будут бороться так же, как и с Корниловым». Не менее откровенными были и солдаты 2-го пулеметного полка, которые в тот же день выразили свои взгляды относительно Корнилова и ближайших задач новой власти следующими словами:

«Мы... клеймим именем изменника Корнилова и его сообщников... У нас не было доверия к Корнилову еще с 21 апреля, когда этот «бравый» генерал приказал выкатить орудия на Дворцовую площадь для усмирения товарищей рабочих. Этот заговор должен быть подавлен со всей решительностью, и мы, пулеметчики, предлагаем себя в полное распоряжение ЦИК... Мы требуем немедленного ареста контрреволюционеров командного состава и предания суду, отмены смертной казни, причем завершиться она должна казнью Корнилова и его сподвижников... мы требуем восстановления расформированных революционных полков и расформирования контрреволюционных ударных батальонов... Союза георгиевских кавалеров, Союза офицеров армии и флота, Военной лиги и проч. ...Единственным выходом из настоящего положения может быть только передача всей власти в руки трудящихся. Мы требуем немедленного освобождения товарищей, арестованных 3 — 5 июля, заменив их (в тюрьме) заговорщиками, как, например: Гучковым, Пуришкевичем и контрреволюционным офицерством. Во внешнем вопросе мы требуем решительного разрыва с империалистами, как русскими, так и союзными, и вести борьбу за мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения наций. Паек солдатам должен быть увеличен до 20 рублей... средства на это должны доставаться из конфискации сверхприбылей г.г. фабрикантов и заводчиков. Все эти революционные мероприятия будут поддерживаться и отстаиваться нами до последнего пулеметчика, а правительство, проводящее это, будет пользоваться полным нашим доверием» [12].

1 сентября две сотни солдат, приписанных к Офицерской электротехнической школе решили, что «со сменой лиц (вместо Корнилова Алексеев и др.) ничего не изменилось» и что «политика... соглашательства с буржуазией и помещиками неизбежно должна была привести и привела к заговору Корнилова». В целях предотвращения повторной контрреволюционной вылазки солдаты настаивали на передаче всей власти «представителям революционных рабочих, солдат и крестьян под контролем их выборных организаций». Два дня спустя массовый митинг солдат петроградского резервного полка высказался за формирование нового кабинета министров «из социалистов, страдавших за нужды народа по тюрьмам и убивших лучшие годы своей жизни в далекой Сибири».

Солдаты электротехнической школы и петроградского резервного полка, как и солдаты 2-го пулеметного полка, потребовали для Корнилова и его сообщников смертной казни [13]. Нет ничего удивительного в том, что после мятежа Корнилова сильнее всего недовольство Керенским и стремление к немедленным переменам в правительстве проявилось среди распропагандированных балтийских моряков. 30 августа команда «Петропавловска», ранее проголосовавшая за расстрел офицеров, отказавшихся дать подписку о лояльности революции, пришла к единодушному мнению, что «смертная казнь может быть лучшим наказанием» для Корнилова. В принятой ими резолюции утверждалось, что «спасти страну в настоящее время может только демократия в лице лучших ее представителей Центрального Исполнительного Комитета Советов, солдатских и крестьянских депутатов, а потому и вся власть должна перейти в руки Советов. Никакие коалиции и ответственные министерства, как это показал опыт, не в состоянии вывести страну из ее критического положения. И прямой долг этих Советов перед родиной — взять всю власть в свои руки, и мы этой власти с радостью подчиняемся и с удовлетворением исполняем все ее приказания».

Заметно критичнее по адресу умеренных социалистов была резолюция «О текущем моменте», принятая подавляющим большинством на объединенном собрании исполкома Гельсингфорсского Совета, Областного комитета Советов рабочих и воинских депутатов Финляндии и представителей полковых и судебных комитетов района Гельсингфорса, состоявшееся 2 сентября. В конце резолюции говорилось: «ЦИК до сих пор не только не проводил линию развития революции, но своей поддержкой соглашательской политики с буржуазией укрепил позиции контрреволюции. Такому поведению ЦИК должен быть положен конец. Мы настойчиво требуем от ЦИК, чтобы он отказал в доверии всякому коалиционному (с буржуазией) министерству и немедленно созвал II Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» [14], то есть установил Советскую власть.

В знак протеста против провозглашения Керенским не демократической, а Российской республики, против создания Директории и переговоров с буржуазией члены 19 судовых

комитетов Балтийского флота на совместном заседании 6 сентября рекомендовали всем кораблям поднять боевые красные флаги и не спускать до тех пор, пока «не будут удовлетворены требования настоящей демократической республики». На следующий день Центробалт поддержал этот метод протеста, и красные флаги были подняты [15] Настроения балтийских моряков в тот период отразила редакционная статья «Довольно прежних ошибок» В. Масленникова, напечатанная в газете «Известия Кронштадтского Совета». В ней, в частности, говорилось:

«Политика соглашательства с буржуазией... привела нас к плачевным результатам. Соглашатели верили людям, лицемерно кричавшим о гибели страны, и исполняли все по их рецепту... Все предостережения пролетариата и не покинувших его партий оказались справедливыми... Оказывается, этого еще мало!.. Что это? Политическая слепота или сознательно направляемые действия против революции?.. Нет! Этого быть не должно... Задача момента - ... заявить:

Довольно соглашательства! Вся власть — трудовому народу!» [16]

29 августа Кронштадтский Совет выдвинул ряд требований, переданных Центральному Исполнительному Комитету представителей Кронштадта, работавшим в этом органе. Составленные большевиками и сразу же одобренные эсерами и меньшевиками-интернационалистами (главными эсеровскими и меньшевистскими фракциями Кронштадта), эти требования соответствовали умеренной резолюции «О текущем моменте», представленной Луначарским на заседании исполкомов в ночь с 27 на 28 августа и призывавшей решительно порвать с капиталистами, передать власть в руки революционных рабочих, крестьян и солдат, провозгласить демократическую республику.

Идеалом Кронштадта оставалось демократическое советское правительство, в котором все социалистические группы успешно работали бы вместе над осуществлением революционно программы, то есть действовали бы так, как с самого марта по ступали социалисты в Кронштадтском Совете. Матросы Кронштадта надеялись, что испытания периода корниловского мятежа помогут вернуть руководство исполнительных комитетов Советов в лоно революции. Такую оптимистическую точку зрения высказали депутаты Кронштадтского Совета 29 августа в ответ на сообщение Колбина о последних событиях в Петрограде. Раскритиковав Керенского за нерешительность в борьбе с Корниловым, Колбин заявил, что, когда Церетели оповестил Центральный Исполнительный Комитет о том, что теперь время не для соглашательства, а для решительных боевых действий, Чернов обнял его в знак солидарности. Кронштадтские депутаты продолжительными аплодисментами приветствовали подобную демонстрацию единства умеренных социалистов в защите революции [17].

Стоит отметить, что теперь против правительства выступали даже рабочие тех промышленных предприятий, которые представляли бастионы меньшевиков и эсеров, а также солдаты некоторых в политическом отношении наиболее благонадежных полков гарнизона (сохранявших с самого начала нейтралитет и выступивших первыми за подавление июльского восстания). Более того, к оппозиции присоединились и отдельные воинские части, в спешном порядке после июльских дней переброшенные с фронта в столицу.

Принимавшиеся в этот период резолюции не были творением какой-то одной партии или организации. Одни предлагали большевики, другие — меньшевики или левые эсеры, третьи отдельные лица или представители заинтересованных групп неопределенной политической ориентации. В конкретных вопросах эти документы сильно отличались друг от друга. Некоторые призывали к созданию власти рабочих, солдат и крестьян, другие (возможно, большинство) настаивали на передаче власти Советам или на формировании революционного правительства, ответственного перед Советами, часто сочетая эти требования с предложением о созыве очередного Всероссийского съезда Советов. Однако практически во всех указывалось на необходимость во избежание повторения контрреволюционных выступлений сурово наказать Корнилова и его сообщников, отвергалось всякое сотрудничество с цензовыми элементами в любой форме и позитивно оценивалась идея немедленного установления полностью социалистической власти,

которая смогла бы покончить с войной. Не вызывает сомнения, что для многих, в том числе и для большевиков, быстрая победа над Корниловым, по-видимому, подтвердила огромные потенциальные возможности совместных действий всех социалистических групп. Если судить по доступным для изучения документам, в большом количестве опубликованным в периодической печати того времени или в последующих сборниках и во многом подтверждающимся различными другими свидетельствами, то можно с уверенностью сказать, что подобные настроения разделяли почти все рабочие и солдаты Петрограда и балтийские моряки, которые так или иначе, участвовали в политической жизни.

Под таким давлением пришлось работать членам исполнительных комитетов Советов, собравшимся во второй половине дня 31 августа, чтобы обсудить вопрос о власти. Пленарное заседание, с перерывами длившееся до раннего утра 2 сентября, заслуживает отдельного рассмотрения, ибо является наиболее важным собранием руководства Совета между февралем и октябрём 1917 г. Во всяком случае, это был, по-видимому, тот момент предоктябрьских дней, когда меньшевики и эсеры ближе всего подошли к разрыву с либералами и к принятию более радикальной политики, которая, возможно, существенно изменила бы ход революции. В начале обсуждения Каменев предложил депутатам одобрить общую резолюцию-декларацию «О власти», которая, будучи умеренной и по тону, и по содержанию, тем не менее представляла собой заметный, решающий отход от прежней политики Советов [18]. Проект резолюции-декларации составил лично Каменев, и она была ранее одобрена членами большевистского ЦК и представителями фракции большевиков в ЦИК и в Петроградском Совете. Она начиналась с категорического осуждения политики «соглашательства» и «безответственности», которая «создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции». Документ требовал отстранения от власти не только кадетов, но и всех представителей буржуазии, утверждая, что единственный выход — в создании власти из «представителей революционного пролетариата и крестьянства», основными задачами которой будут: провозглашение «демократической республики», конфискация помещичьих земель без выкупа и передача ее крестьянским комитетам впредь до решения Учредительного собрания; введение рабочего контроля над производством; национализации важнейших отраслей промышленности и предложение народам воюющих государств всеобщего демократического мира. В числе мер, подлежащих немедленному осуществлению, резолюция назвала: прекращение любых репрессий, направленных против рабочего класса и его организаций, отмену смертной казни на фронте и восстановление полной свободы политической агитации и деятельности демократических организаций в армии, удаление из армии контрреволюционного командного состава, признание права на самоопределение проживающих в России малых народностей, немедленный созыв Учредительного собрания и отмену всех сословных привилегий. Очевидный упор в резолюции на революционную власть, призванную создать демократическую республику, а не диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства, — это, безусловно, дело рук Каменева. Здесь нашли точное отражение взгляды умеренных большевиков на развитие революции [19]. В то же время документ Каменева являлся сжатым и убедительным изложением политических чаяний петроградских рабочих и солдат нашедших выражение в период после корниловского мятежа. Предложив резолюцию исполкомам, Каменев призвал к сохранению единого революционного фронта, который возник в ходе борьбы против Корнилова. Особо подчеркнув решающую роль Советов, которые «сыграли роль цемента, спаявшего все истинно демократические элементы» в период кризиса, он утверждал, что «никто не сможет сказать, что существует в данный момент более могучая организация, нежели Советы».

Чрезвычайно важно иметь в виду, что, хотя предложенную Каменевым резолюцию-декларацию и истолковывали как призыв к передаче политической власти Советам, сам Каменев на этом не настаивал, по-видимому, не исключая возможности создания социалистического кабинета, который включил бы представителей таких «демократических» институтов, как профсоюзы, земства, городские думы и кооперативы, номинально не входившие в Совет. В конце выступления он заметил: «Фракцию большевиков интересует не техническая сторона, а те силы, которые войдут в состав этой власти, одинаково ли они понимают задачи момента и смогут ли они идти в ногу с демократией» [20].

Ввиду предстоящей сессии Петроградского Совета, которая была запланирована ранее, ЦИК и ИВСКД прервали свое заседание до 19.30, не проголосовав по резолюции Каменева. Дальнейшее обсуждение вопроса о власти отложили до следующего вечера.

Поздно ночью 31 августа резолюция Каменева была представлена Петроградскому Совету [21], собравшемуся впервые после 10-дневного перерыва. На протяжении августа позиция Петроградского Совета постоянно сдвигалась влево, отражая тем самым растущее беспокойство части депутатов в связи со сложившейся политической ситуацией и меняющимся составом Совета, поскольку избранных в марте и апреле депутатов умеренных умонастроений отозвали и заменили фабрично-заводскими и гарнизонными представителями с более радикальными взглядами [22]. Эта трансформация стала очевидной 31 августа. Обсуждение началось с докладов о последних политических событиях. Большевик Борис Богданов подробно рассказал депутатам о работе Комитета народной борьбы с контрреволюцией. Видя нетерпение слушателей, Богданов доложил о действиях Комитета по укреплению и сплочению левых сил и предотвращению сговора правительства с Корниловым. При упоминании моментов, свидетельствовавших о плодотворности усилий Комитета как в противодействии Корнилову, так и в контактах с правительством, депутаты всякий раз взрывались аплодисментами.

Касаясь вопроса об организации власти, Церетели впервые публично признал трудности, связанные с включением в кабинет кадетов. Вместе с тем он энергично защищал идею коалиции с представителями других буржуазных групп. По его словам, демократия сама по себе не сумеет справиться с хозяйственной разрухой, и такая ситуация будет на руку контрреволюции.

Выступление Церетели постоянно прерывалось громкими протестами и язвительными репликами, что вынудило председателя Чхеидзе в конце концов заявить, что у Совета еще достаточно сил, чтобы выставить за дверь нарушителей порядка. С другой стороны, аудитория с воодушевлением приветствовала Каменева, который представил свою политическую резолюцию-декларацию и повторил критику коалиционной политики, ранее высказанную на заседании ЦИК и ИВСКД. Депутаты стоя приветствовали Стеклова, выразившего солидарность с Каменевым. Представитель эсеров Болдырев, отступив от прежнего умеренного социалистического курса, предложил, чтобы Всероссийские исполнительные комитеты сформировали новый кабинет. Он внес резолюцию, которая допускала включение представителей буржуазных группировок (за исключением кадетов) в правительство, ответственное перед «Временным революционным парламентом». Но даже такой компромисс получил холодный прием.

После нескольких часов жарких дебатов между сторонниками и противниками идеи создания чисто социалистического правительства, примерно в 5 часов утра 1 сентября депутаты отвергли резолюцию эсеров и приняли в качестве политической платформы предложенную Каменевым декларацию. За нее проголосовало 279 депутатов, против — 115, при 51 воздержавшемся. Оценивая значение этого успеха большевиков, важно иметь в виду, что на данном заседании присутствовала и голосовала лишь небольшая часть общего количества членов Петроградского Совета. Отчасти это произошло потому, что многие представители военных все еще находились в своих полках, защищая столицу от Корнилова. Но верно и то, что многие рядовые меньшевики и эсеры, организационно не связанные с большевиками, в рассматриваемом вопросе встали на их сторону. Тем не менее, как уже указывалось выше, голосование в Петроградском Совете 31 августа отражало постепенный и весьма значительный сдвиг влево в политической ориентации депутатов.

В этой связи стоит вспомнить, что 2 марта за резолюцию большевиков в Петроградском Совете против передачи власти Временному правительству было подано всего каких-то 19 голосов, тогда как за внесенную совместно меньшевиками и эсерами резолюцию с выражением поддержки правительству голосовало 400 депутатов. 2 апреля, когда Петроградский Совет был почти в полном составе, большевистская резолюция, отвергающая кампанию в пользу «Заема свободы» — фактически референдум по вопросу о войне — получила 112 голосов, а меньшевистско-эсеровская резолюция в поддержку этого

займа — 2 тысячи. Через месяц после Апрельского кризиса, когда потребовалось определить позицию относительно участия социалистов в кабинете, за резолюцию большевиков, выступивших против участия, проголосовало 100 депутатов, а сторонники меньшевиков и эсеров по-прежнему насчитывали 2 тыс. человек

Народная поддержка программы большевиков усилилась в канун июльских событий, и это в какой-то мере нашло свое отражение и в Петроградском Совете. Так, 20 июня при голосовании за резолюцию умеренных социалистов в поддержку планов наступления Керенского против проголосовал 271 человек, а 39 воздержалось [23]. А на сессии 31 августа впервые абсолютное большинство присутствовавших депутатов голосовало вместе с большевиками по всем политическим вопросам. Утверждение резолюции Каменева, означавшее кардинальную переориентацию в приоритетах и целях, сделало необходимым полную реорганизацию руководства Петроградского Совета — событие огромной по своим последствиям важности для дальнейшего развития революции. Пока, однако, ввиду того обстоятельства, что непосредственная власть Петроградского Совета ограничивалась столицей, более существенное значение имела, разумеется, неопределенная позиция ЦИК и ИВСКД по вопросу о власти. На этих исполнительных комитетах лежала ответственность за судьбу правительства.

Поздним вечером 1 сентября ЦИК и ИВСКД возобновили дискуссию по вопросу о власти; примерно в это же время Керенский объявил о создании Директории [24]. И все же, несмотря на общее стремление к переориентации политики Совета, которое проявилось в принятии большевистской резолюции, и несмотря на то, что Керенский, объявив о формировании Директории, поставив исполкомы Советов (ЦИК и ИВСКД) перед совершившимся фактом, умеренные социалисты упорно не желали порвать с существующим правительством. Целый ряд видных меньшевиков и эсеров, в том числе Скобелев и Богданов, критиковали позицию большевиков и призывали поддержать правительство, по крайней мере до созыва Демократического совещания.

Правый меньшевик Марк Либер высмеял саму мысль о том, что демократия в состоянии действовать в одиночку, и заявил: «Кадеты сброшены с колесницы, но бойтесь, как бы вам не очутиться на ней одним». Авксентьев фактически приветствовал Директорию и рекомендовал оказывать ей всяческую поддержку. Чернов в категорической форме утверждал, что ни один эсер не войдет в правительство, в котором будут кадеты. Однако он не исключал возможность создания коалиции с представителями других буржуазных кругов. Выступая от имени трудовиков, Сергей Знаменский также защищал принципы коалиции и настаивал: «Демократия не должна решиться на исключительно социалистическое министерство... Существуют, помимо кадетов, социальные и политические группы, которые могут идти с нами рука об руку».

Кроме большевиков, только Мартов занял более радикальную позицию. Он поддержал идею создания кабинета из одних министров-социалистов, ответственных перед демократическим парламентом. Рязанов и Каменев попытались дать отпор умеренным социалистам. Имея в виду высказывание Скобелева, Рязанов заметил:

«В этом зале говорилось, что Петроград — не вся Россия, но за ним наблюдает провинция и, когда здесь уже затягиваем узел на шею контрреволюции, мы не сомневаемся, что найдем поддержку в широких народных кругах.

Если отвергнуть коалицию с кадетами, то у нас остаются торгово-промышленные и банковские сферы, которые, как теперь стало известно, питали желтую прессу... Пора подумать о том, что Советы представляют большинство России... Пусть же они выбирают Временное правительство, ответственное перед ними, которое довело бы Россию до скорейшего созыва Учредительного собрания, которое одно только способно заключить мир, провести все необходимые реформы и приблизить нас к социалистическому строю».

Каменев со своей стороны, говоря о Директории, с раздражением отмечал, что ЦИК «получил удар рукою Керенского» и его значение уменьшилось. «Я надеюсь, — продолжал он, — что этот удар будет вами отклонен не менее решительно, чем удар Корнилова... Объявленный нам состав правительства — это правительство для Керенского... Усматривая

в способе создания и в самом новом Временном правительстве проявление режима полной и единоличной диктатуры, ЦИК указывает, что действительно революционная власть может быть создана только на указанных в резолюции путях».

Церетели попробовал опровергнуть подобные утверждения и в этой связи заметил, что «в момент этого съезда (Демократического совещания) демократия будет единой и если, кроме нас, не окажется ни одной живой силы в стране, то мы возьмем власть в свои руки». Это была самая большая уступка Церетели и его сторонников, которую они смогли сделать в вопросе создания исключительно социалистического правительства.

Рано утром 2 сентября усталые депутаты поставили на голосование и отвергли заявления и большевиков, и меньшевиков-интернационалистов, а приняли вместо этого резолюцию, внесенную совместно меньшевиками и эсерами. Она одобрила идею скорейшего созыва Демократического совещания, которому предстояло принять окончательное решение по вопросу о власти, а пока призвала к дальнейшей поддержке сформированного Керенским правительства [25].

Хотя ретроспективно решение ЦИК и ИВСКД — временно согласиться с фактом существования Директории — оказалось роковым шагом, ясно, что в тот момент умеренным социалистам было бы очень трудно поступить иначе. Поддержка предложенного большевиками курса потребовала бы от меньшевиков и эсеров отречения от политики, которую они проводили в течение последних шести месяцев, и отказа от идеи создания демократического правительства, представляющего все классы. Такая поддержка свидетельствовала бы о готовности учредить новый политический строй и взять на себя всю ответственность за сохранение правопорядка, руководство экономикой, обеспечение необходимым продовольствием, топливом и услугами, за удовлетворение требований масс, касавшихся немедленных социальных реформ и прекращения войны. Кроме того, принятие резолюции большевиков указало бы на готовность умеренных социалистов попытаться решить эти задачи не только без помощи, а, напротив, сталкиваясь с определенной оппозицией со стороны либеральных политических руководителей, промышленников, крупных землевладельцев и военного командования.

И наконец, объединение с большевиками, за которое так красноречиво ратовали Каменев и Рязанов, для меньшевиков и эсеров означало бы заключение союза с элементами, на которые было трудно положиться и чьи политические цели зачастую были дальше от целей меньшевиков и эсеров, чем планы либеральной буржуазии. Если принять во внимание поведение большевиков за прошедший период, германскую военную угрозу и царивший в стране хозяйственный и социальный хаос, то не трудно понять, почему большинство меньшевиков и эсеров, несмотря на почти всеобщее презрение к Керенскому, все же не уступило давлению народных масс, требовавших перемены власти.

Политические последствия корниловского мятежа были огромны. На какое-то время правое движение оказалось, по сути, разбитым. Любимец правых Корнилов находился в Могилеве под домашним арестом. Из-за поведения кадетов накануне и во время кризиса их серьезно подозревали (может быть, и не совсем заслуженно) в сговоре с Корниловым. После мятежа их, оклеветанных и глубоко деморализованных, временно исключили из правительства. Милюков и Кокошкин выехали в Крым, как бы избегая ареста; Маклаков стал послом во Франции; многие кадеты удалились на свои загородные дачи. Деятельность кадетов фактически сошла на нет [26].

Из-за внутренних распрей относительно характера и формы будущей власти меньшевики и эсеры вряд ли представляли лучшую картину. Глубокие разногласия по ключевым политическим проблемам среди руководителей меньшевиков с особой наглядностью проявились 4 сентября на заседании Бюро ЦИК. В ходе ожесточенных споров о задачах Демократического совещания, намеченного на середину сентября, оборонец Богданов в вопросе формирования чисто «демократической» власти объединился с меньшевиками-интернационалистами. Предстоящее совещание, настаивал Богданов, необходимо превратить в Учредительное собрание для осуществления демократии, а правительство, сформированное на нем, должно отвечать демократическим задачам. Подобная мысль

показалась председателю Центрального Исполнительного Комитета Чхеидзе абсурдной. Вместе с Либером он подчеркнул важность участия в любом будущем правительстве, а также в Демократическом совещании по крайней мере отдельных представителей имущих классов. Дан и Церетели заняли серединную позицию, между Богдановым и Чхеидзе. Они признали, что главная задача — принять конкретное решение по вопросу о власти, и выразили готовность подчиниться решению совещания, каким бы оно ни было. Церетели, лично предпочитавший коалицию, выразил сожаление, что совещание представителей всех «демократических» групп не состоялось раньше, и добавил, что «мы можем рискнуть в случае выбора на советскую власть» [27].

Аналогичные споры раздирали в ту пору и партию эсеров. Когда все еще влиятельная консервативная эсеровская фракция во главе с Авксентьевым продолжала настаивать на сохранении наиболее представительного коалиционного правительства с участием кадетов, бывший министр земледелия Чернов не пожелал иметь с кадетами ничего общего. Вместе с тем Чернов в такой же мере был против идеи исключительно социалистической власти и разделял со многими правыми меньшевиками надежду на привлечение в кабинет представителей буржуазии (кроме кадетов), которые захотят сотрудничать с социалистами в реализации программы коренных реформ [28]. Между тем слева от Чернова все громче и мощнее звучали голоса членов фракции левых эсеров, почти превратившейся в самостоятельную партию и твердо отвергавшей всякую коалицию с буржуазией. В течение второй недели сентября левые эсеры установили контроль над местным эсеровским комитетом Петрограда [29] и сразу же начали кампанию за созыв Всероссийского съезда Советов, за создание состоящего только из социалистов правительства, выступающего за демократические преобразования [30]. Как выразился Оливер Рэдки, организация эсеров «вступила в заключительную стадию своего распада» [31].

Неудивительно, что корниловский мятеж свел на нет тот небольшой прогресс, которого удалось достигнуть Керенскому после июльских событий в деле восстановления правительственной власти и укрепления армии. Советы вышли из кризиса более радикальными и с неизмеримо возросшей популярностью в массах. Революционная Россия оказалась еще больше, чем прежде, насыщена соперничающими друг с другом политическими организациями и комитетами. Рабочие стали воинственнее и организованнее, многие получили оружие. В то же самое время оживились армейские демократические комитеты, которые сыграли главную роль в мобилизации солдат на борьбу с корниловским движением. Контроль над многими полковыми комитетами Петроградского гарнизона перешел от более умеренных элементов в руки большевиков [32]. Корниловский мятеж окончательно подорвал даже тот незначительный моральный авторитет, которым офицеры еще пользовались среди солдат. В первой половине сентября во многих воинских частях провели вторую чистку офицерского состава, изгнав всех подозреваемых в контрреволюционных замыслах; вместе с тем выполнение даже самого простого распоряжения превратилось в трудную проблему [33].

Правительство старалось круто повернуть ход развития событий. Например, 1 сентября Керенский издал приказ, предписывавший всем командирам, комиссарам и армейским организациям прекратить политическую борьбу в войсках, однако этот приказ, как видно, не возымел действия. Через три дня он опубликовал постановление о роспуске всех созданных в период корниловского мятежа неофициальных революционных комитетов, включая и Комитет народной борьбы с контрреволюцией [34]. Это постановление лишь обострило отношения между Керенским и руководством Совета. Не успело постановление стать достоянием гласности, как Комитет народной борьбы с контрреволюцией собрался на совещание (уже сам по себе акт гражданского неповиновения) и принял тщательно сформулированную резолюцию, в которой выражалась уверенность, что ввиду сохранившейся опасной ситуации все местные революционные комитеты продолжают свою деятельность с прежней энергией и выдержкой [35].

В то время как правительство тщетно пыталось справиться с этими трудностями, экономика продолжала разваливаться быстрыми темпами. В Петрограде еще больше обострились проблемы безработицы, нехватки продовольствия и топлива, инфляции. В течение этих же дней авторитет Керенского рухнул окончательно. Потерпевшие поражение правые полагали, что Керенский — то ли ради достижения личных целей или из-за недостатка

мужества — предал Корнилова. А левые, петроградские рабочие и солдаты считали, что Керенский являлся неотъемлемой частью контрреволюции. На это обстоятельство обратил внимание в интересных неопубликованных мемуарах тогдашний комиссар Северного фронта Войтинский. По его словам, каждый солдат знал, что конфликту Керенского с Корниловым предшествовали переговоры между ними, во время которых обсуждались такие вопросы, как введение смертной казни, ограничение деятельности солдатских комитетов, возвращение офицерам дисциплинарной власти, короче говоря, возврат к «старорежимным» порядкам. Следовательно, для рядового солдата корниловщина представлялась заговором против него самого и против революции, организованным высшим военным командованием и Керенским [36].

Поэтому не удивительно, что из претендентов на власть в 1917 году от корниловского мятежа выиграли только большевики. Поражение Корнилова явилось свидетельством огромной потенциальной мощи левых и еще раз продемонстрировало большую притягательную силу программы большевиков. И тем не менее не следовало бы утверждать (как делают некоторые), что разгром Корнилова сделал победу Ленина неизбежной. Настроение масс было не настолько пробольшевистским, чтобы сильно желать власти большевиков. Как свидетельствовало множество послекорниловских политических резолюций петроградских солдат, матросов и рабочих сильнее, чем прежде, привлекала идея создания правительства, объединяющего все социалистические группы. В их глазах большевики стояли за власть Советов, за советскую демократию. Во всяком случае, июльское восстание и последующая реакция показали, насколько рискованно полагаться на настроение масс. Более того, вся история партии, начиная с Февральской революции, показала наличие среди большевиков потенциальных программных разногласий и несогласованных действий. Так что вопрос о том, сумеет ли партия проявить необходимые для взятия власти силу воли, организационную дисциплину и понимание постоянно меняющейся и взрывоопасной ситуации, оставался открытым.

1. См. выше, с. 156.

2. О роли кадетов в данном эпизоде см.: Rosenberg W.C. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 230-232. См. также отчет Кокошкина (с. 11-12, 15); Милюков П.Н. История второй русской революции. София, 1921-1924, т. I, вып. 2., с. 249-254; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 138.

3. Керенский А.Ф. Дело Корнилова, с. 174.

4. Иванов Н.Я. Корниловщина и ее разгром, с. 207.

5. Корниловские дни. Бюллетени временного военного комитета при ЦИК с 28 августа по 4 сентября 1917 г., Петроград, 1917, с. 152.

6. Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г., с. 76.

7. Ильин-Женевский А.Ф. Большевики в тюрьме Керенского, с. 43- 65; Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 162; Константинов А.П. Большевики Петрограда в 1917 году. Л., 1957, с. 478.

8. "Голос солдата", 5 сентября.

9. Цит. по неопубликованному протоколу данного совещания из советского архива.- В: Рубан Н. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968, с. 272.

10. Часто подобные решения о передаче власти Советам принимались по инициативе большевиков - прямое свидетельство того, что итоги VI съезда не смогли повлиять на позиции местных представителей партии в период корниловского мятежа. См., например,

выступление Скрипника на объединенном заседании Совета профсоюзов и Центрального Совета фабзавкомов 29 августа (Протоколы Петроградского совета профессиональных союзов за 1917 г., с. 70). 4 сентября собрание 800 рабочих трубного завода от имени 20 тыс. заводских работников подтвердило эту позицию и потребовало создания "Временного революционного правительства", состоящего из представителей пролетариата и крестьянства и ответственного только перед революционными органами.

11. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 487, 489, 501, 541-542. Этот источник содержит множество других примеров подобных резолюций. Их можно обнаружить в большинстве газет социалистов того времени, хотя чаще всего они печатались в большевистских газетах "Рабочий", "Рабочий путь" и "Солдат", а также в газете левых эсеров "Знамя труда". Неполные списки предприятий, принимавших подобные резолюции, периодически печатались в газете "Рабочий путь".

12. Д р е з е н А.К; Большевизация петроградского гарнизона, с. 256-257.

13. Там же, С. 251 -257, 265-268. Данный источник, а также газета "Солдат" в последние дни августа и первую половину сентября содержат множество подобных резолюций. Фактически представлены все главные воинские части гарнизона. См. также: Д р е з е н А.К. Петроградский гарнизон в Октябре.-"Красная летопись", 1927, № 2 (23), с. 106-107.

14. Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции, с. 203, 207 - 208.

15. Там же, с. 210-211; Протоколы и постановления Центрального комитета Балтийского флота, с. 192, 445-446; Д р е з е н А.К. Балтийский флот от июля к октябрю 1917 г. - "Красная летопись", 1929, № 5 (32), с. 191 - 199. Флаги спустили через несколько дней в знак протеста против Демократического совещания.

16. "Известия Кронштадтского Совета", 29 августа.

17. Там же, 30 августа.

18. Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6). Август 1917 - февраль 1918. М., 1958, с. 37-38. Наиболее полный отчет о заседании - В: "Дело народа", 1 -3 сентября; "Известия", 1 -3 сентября;см. также: Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 104-142, 149-150; Октябрьское вооруженное восстание, т. 2, с. 171-181.

19. В этой связи интересно отметить, что на заседании, состоявшемся поздно вечером 31 августа, ЦК большевиков решил первым вопросом запланированного на 3 сентября пленума поставить продолжение дискуссии о "текущем моменте", намереваясь, по-видимому, дать возможность изложить различные представления о верной линии, которую нужно проводить в сложившейся ситуации. Противоположные подходы поручили обосновать Сталину (от левых) и Каменеву (от правых). Информация относительно того, состоялся ли этот пленум или нет, отсутствует. См.: Протоколы Центрального Комитета РСДРП (6). Август 1917 - февраль 1918, с. 39-40, 72.

20. "Известия", 1 сентября; "Дело народа", 1 сентября.

21. Отчеты об этом заседании. - В: "Речь", 1 и 2 сентября; "Дело народа", 2 сентября; "Биржевые ведомости", 1 сентября (утренний выпуск): см. также: Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4" с. 138-139.

22. См. выше, с. 113.

23. П о т е х и н М.Н. Первый Совет пролетарской диктатуры. Л., 1966, с. 23.

24. Наиболее полный отчет об этой части дискуссии в: "Известия", 2 и 3 сентября; "Дело народа", 3 сентября; "Биржевые ведомости", 3 сентября (утренний выпуск); "Речь", 2 и 3 сентября; см. также: Владимирова В. Революция 1917 года, т. 4, с. 149-150.

25. "Известия", 3 сентября.

26. Rosenberg W.G. Liberals in the Russian Revolution..., pp. 236-239.

27. "Дело народа", 5 сентября; Воспоминания Дана относительно собственных взглядов в то время см.: Дан Ф. К истории последних дней Временного правительства. - В: "Летопись революции", 1923, кн. 1, с. 163-175. Интересно, что участники совещания меньшевистского ЦК поровну разделились на сторонников и противников коалиции. В монографии "Октябрьское вооруженное восстание" (т. 2, с. 186) есть ссылки на неопубликованные протоколы из советских архивов.

28. См., например, отчет о совещании фракции эсеров в Совете 6 сентября в: "Дело народа", 7 сентября; Относительно эсеровских фракций, существовавших в то время, см.: Radkey O.H. The Agrarian Foes of Bolshevism. N.Y., 1958, pp. 402-408.

29. "Дело народа", 12 сентября; "Знамя труда", 12 сентября.

30. "Знамя труда", 12 сентября, а также все последующие выпуски.

31. Radkey O.H. The Agrarian Foes... p. 403.

32. Х о х р я к о в А.Л. Из жизни Петроградского гарнизона.-"Красная летопись", 1926, № 2 (17), с. 36-37.

33. Протоколы собраний частей гарнизона, связанные с подобными чистками.-В: Д р е з е н А.К. Большевизация Петроградского гарнизона. М.-Л., 1932, с. 258-263. Любопытная дискуссия относительно влияния мятежа Корнилова на простого солдата в: Рабинович СЕ. Борьба за армию в 1917 г. Л., 1930, с. 44.

34. Революционное движение в России в августе 1917 г., с. 470-471.

35. Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. Отв. ред. Чугаев Д.А. АН СССР. Институт истории. М., 1961, с. 148- 149, 553.

36. Войтинский В. Годы побед и поражений. 1917 год (рукопись). Берлин, 1922, с. 295-299.